

Шаповал Ирина Анатольевна

ВЫХОД ЗА ГРАНИЦЫ Я КАК АКТ КОНСТРУКТИВНОЙ АГРЕССИИ

В статье рассматривается проблема соотношения выхода человека за границы своего Я и нужной для этого агрессии. Анализируются феномен конструктивной агрессии в рамках ассертивного поведения, нонконформизма, поведения риска и необходимость его реализации в условиях меняющегося мира. Автор приходит к выводу о том, что конструктивная агрессия выступает одновременно исходным потенциалом конструирования и реконструкции человеком границ своего Я и актом выхода за них.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/4/33.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (106). С. 137-141. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

MACHINE LEXIS “МАШИНА (MACHINE)”, “ДВИГАТЕЛЬ (ENGINE)”, “УСТРОЙСТВО (DEVICE)”, “ГАДЖЕТ (GADGET)” IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LINGUISTIC CULTURES**Chervonenko Nadezhda Sergeevna****Kryachko Vladimir Borisovich**, Ph. D. in Philology*Volzhsky Polytechnic Institute (Branch) of Volgograd State Technical University
ya.usto@yandex.ru*

This article is devoted to the analysis of machine lexis and the definition of its lexical and semantic relations in the Russian and English linguistic cultures. The authors identify the main conceptual characteristics of each lexical unit, carry out the comparative inter-lingual analysis with the purpose to determine the ethnocultural specificity. The peculiarity of the work is in the determination of the conceptual uncertainty and its removal through the hyperonymization of the problem concept.

Key words and phrases: hyperonym; hyponym; reference; referent; sign; denotation; seme; conceptual lacuna.

УДК 159.99

Психологические науки

В статье рассматривается проблема соотношения выхода человека за границы своего Я и нужной для этого агрессии. Анализируются феномен конструктивной агрессии в рамках ассертивного поведения, неконформизма, поведения риска и необходимость его реализации в условиях меняющегося мира. Автор приходит к выводу о том, что конструктивная агрессия выступает одновременно исходным потенциалом конструирования и реконструкции человеком границ своего Я и актом выхода за них.

Ключевые слова и фразы: конструктивная агрессия; границы Я; ассертивность; неконформизм; поведение риска.

Шаповал Ирина Анатольевна, д. пед. н., профессор*Оренбургский государственный педагогический университет**irinashapoval@yandex.ru***ВЫХОД ЗА ГРАНИЦЫ Я КАК АКТ КОНСТРУКТИВНОЙ АГРЕССИИ**

Хаотические флуктуации и бифуркации современного мира знаменуют эпоху перехода в новую эру, на исторически новый уровень развития цивилизации, требующий от каждого конкретного человека постоянно «вставать над полем», переходить границы себя вчерашнего, границы возможного и неприемлемого, свободы и зависимости, комфорта и риска и т.д. и реконструировать их.

Заметим, «перейти границы», «выйти за границы» – не тождественно «сходить погулять и вернуться». М. К. Мамардашвили подчеркивает непредсказуемость свободы: не делаю, что хочу, а делаю, собравшись, такое, что не зависит от того, в реку каких последствий и в какие сцепления упадет мой поступок [4, с. 78]. Благодаря первичным структурам сознания, символическим и непредметным, на каком-то этапе в качестве якобы запрограммированного определенным образом обработанной информацией существа, человек «взбрыкивает» и оказывается совсем не там, где его ожидали. Таким образом, на скольких бы этажах ни программировали сознание – взбрыкнет человек, потому что не может он жить в мире, в котором сам не может символически репрезентироваться [Там же, с. 260].

По мнению С. К. Нартовой-Бочавер, пересечение границы – суть ее перенос с прежнего «внешнего» места внутрь психологического пространства, которое теперь приобретает новую конфигурацию. Надситуативная и контрситуативная активность может выходить за пределы физического пространства и объективно представленной ситуации, но всегда остается внутри психологического пространства, «растягивающегося» с каждым актом самовыражения субъекта [5, с. 167]. Однако выход за границы разного уровня и значения означает изменение не только психологического пространства, но и самой системы границ: выстраивание качественно нового бытия требует объективного разрушения старой системы его границ – ее структуры, взаимосвязей и внутрисистемных взаимодействий ее подсистем.

Разрушение онтологически связано с агрессией, не только в обыденном сознании, но и в традиционной психологии негативизируемой и объединяемой с враждебностью. Разного рода словари выделяют два основных значения агрессии (от лат. *aggredi* – нападать):

- в международном праве: незаконное применение силы, вооруженное нападение одного государства на другое с целью захвата территории, ликвидации политической независимости, суверенитета;
- в отношениях между людьми: склонность к нападению, наступлению на кого-либо.

При этом о «войне с самим собой» внутри психологического пространства личности и об актах аутоагрессии говорится реже – прежде всего, в экзистенциальном и клинико-психологическом дискурсах, хотя личностные конфликты уже с детства имеют дорогую цену для личности. Отражая острые негативные переживания,

вызванные затянувшейся борьбой структур внутреннего мира, конфликты воплощают противоречивые связи человека с социальной средой и с самим собой. Для восстановления согласованности внутреннего мира, установления единства сознания, снижения остроты противоречий жизненных отношений, достижения нового жизненного качества необходимо преодоление конфликта. И если конструктивный выход из конфликта приводит к максимальному развитию конфликтующих структур при минимальных затратах, то деструктивный усугубляет раздвоение личности, перерастает в жизненный кризис, ведет к развитию невротических симптомов.

В работах по исследованию агрессии чаще всего подчеркивается ее мотивированность ориентацией индивида на нанесение вреда, физического или психологического ущерба живым и неодушевленным объектам, ее деструктивность и антисоциальность. Выделяют агрессию физическую и вербальную; прямую и косвенную; враждебную и инструментальную; альтруистическую (защита других). Говоря об агрессивности как об устойчивом свойстве субъекта, отражающем его врожденно-биологические или социально-приобретенные особенности, выделяют ауто- и гетероагрессию, темпераментную и характерологическую, конкретно-ситуационную и личностную агрессивность.

Сами агрессивные действия видятся *средством* достижения значимой цели, в том числе повышения собственного статуса за счет самоутверждения, или *способом* отреагирования физического и психического дискомфорта и психологической разрядки, удовлетворения потребности в самореализации и самоутверждении. Как механизм психологической защиты, агрессия – один из основных способов решения проблем сохранения индивидуальности и тождественности, защиты и роста чувства собственной ценности, самооценки, уровня притязаний, а также сохранения и усиления контроля над значимым окружением. Таким образом, обычные атрибуты агрессии – либо некая исходная злонамеренность (желание вызвать страх у других или обратить их в бегство), либо отражение слабости (страх или фрустрация), либо потребность доминировать.

Сегодня, однако, определенный уровень индивидуальной агрессии становится условием не просто социальной адаптации, но и выживания части населения. Поскольку процесс адаптации включает не только компромиссное, но и конфликтное поведение с целью самоутверждения, постольку в механизмах адаптации, развития и в психическом здоровье в целом должна присутствовать некоторая «доля» агрессивности [6]. Таким образом, мы просто обязаны обращаться к переоценке роли и места агрессии в развитии личности.

Исторически феномен агрессии начал исследоваться в глубинной психологии. В ряде работ З. Фрейд пишет о готовности людей к примитивной агрессивности и наличии у них деструктивных тенденций, а в «Недовольстве культурой» (1930) уже прямо утверждает, что агрессивность – неискоренимая черта человеческой природы, в которой нуждается инстинкт самосохранения. Поворот агрессии вовнутрь определяет возникновение совести, угрожающей саморазрушением из-за углубления конфликтов между Я и Сверх-Я, использующим против Я свою готовность к агрессии. Сдерживание агрессии, подчеркивал З. Фрейд, неизбежно ведет к заболеванию [9].

Э. Фромм различает типы агрессии по критерию их биологической адаптивности [10]:

- злокачественная агрессия – страсть к абсолютному господству над другим живым существом, желание его разрушить и убить – не связана с сохранением жизни; в ее основе – не инстинкт, а некий человеческий потенциал, уходящий корнями в условия самого существования человека;
- доброкачественная агрессия, напротив, способствует поддержанию жизни: она носит взрывной характер и возникает спонтанно как реакция на угрозу;
- псевдоагрессия – действия, в результате которых может быть нанесен ущерб, но которым не предшествовали злые намерения: непреднамеренная, оборонительная, игровая и связанная с самоутверждением.

Современная психодинамическая теория, представленная гуманструктурологией G. Aamon [11; 13], переопределяет агрессию: это – конструктивная сила, исходно присущая каждому человеку; Я-функция (гуман-функция) личности, освободившейся от раннего детского симбиоза с первичной группой, обретшей свою идентичность и свободной от чувства вины и страха.

Наряду с креативностью, сексуальностью, нарциссизмом, страхом, границами Я (внешнее и внутреннее Я-отграничения), агрессия относится к центральным, бессознательным, составляющим ядро личности Я-функциям, гуманструктура которых отражает энергетические, динамические, структурные и генетические процессы. Приводит в движение все Я-функции, интегрирует их и связывает между собой в областях сознательного и бессознательного гуманфункция идентичности, и все они могут развиваться конструктивно, деструктивно или дефицитарно в зависимости от социоэнергетического поля окружающей группы. Таким образом, агрессия – центральный момент в развитии личности, под влиянием большой динамики окружающей социальной среды способный стать деструктивным или дефицитарным.

Рассмотрим связи конструктивных Я-функций агрессии и границ Я.

Конструктивная агрессия – это целенаправленная и способствующая установлению контактов активность человека относительно самого себя, окружающих, объектов и духовных аспектов; способность сохранять отношения и решать задачи, формировать свою точку зрения; активное построение собственной жизни [11], поддержание и развитие своей Я-идентичности. Активно-исследовательское отношение к миру и своей жизни, способность к формированию, удержанию и достижению собственных жизненных целей, их безбоязненному конструктивно-агрессивному отстаиванию в конфликтах с другими лицами и группами; установление и поддержание, несмотря на возможные противоречия, продуктивных межличностных контактов – все это обеспечивает конструктивная агрессия [6].

Способность к конструктивной агрессии пробуждается в онтогенезе достаточно рано в форме аффективной экспансии – развития (примерно до 15-месячного возраста) и проявления активности, направленной

на овладение, захват объектов, обладающих побудительной силой [3]. При этом ребенок и объект, как правило, разделены барьером, прежде всего пространством, воздействующим неоднозначно: это не только отрицательные эмоции, но и мерка оценки своих возможностей в преодолении страхов высоты, глубины, темноты. Экспансия также тонизирует: преодоление барьера снимает напряжение и сопровождается облегчением, эмоциональным подъемом и даже эйфорией. Если эти эмоции приобретают в определенных условиях самостоятельную ценность, стремление к риску, ситуациям азарта может стать частью поведения.

Искажения аффективной экспансии как источник патологического развития личности проявляются в экспансивности, истероидности и истеровозбудимости при гиперфункции и в сенситивности и психастении при гипофункции: тонизируют агрессивные и разрушительные действия; в состоянии гиперактивности человек не чувствует опасности; для стимулов и ситуаций характерна амбивалентность и т.п. В крайних случаях аффективная экспансия трансформируется в гиперактивность либо полностью исчезает.

Конструктивные Я-отграничения – гибкие, коммуницирующие в диалоге границы – защищают Я от среды и от собственного бессознательного [13], и наоборот – защищают внешний мир и внутреннее неосознаваемое от Я.

- Внешнее Я-отграничение (от окружающего мира) позволяет развивающейся идентичности автономизироваться и одновременно сохранять способность и возможности к жизненно важному обмену и продуктивному межличностному взаимодействию. В результате формируются адекватное «чувство реальности», возможности дальнейшего развития идентичности и регуляции и контроля интерперсональной дистанции, способность вступать в контакты без угрозы переидентификации и выходить из них без последующего чувства вины. Условием превращения Я в «место чувства Я» (P. Federn [Цит. по: Ibidem]) является «передвигаемость» границы Я и Не-Я. Функциональная недостаточность внешней границы Я определяет чрезмерную ее жесткость или, наоборот, «сверхпроницаемость», снижающую автономию и способствующую «переполнению» внешними впечатлениями и гиперадаптации к требованиям внешнего мира.

- Внутреннее Я-отграничение – Я сознающего с неосознаваемыми чувствами, инстинктивными побуждениями, образами интериоризированных объектов, отношений и эмоциональных состояний человека – формируется в интерперсональном опыте и защищает сознающее Я от подавляющей неизбежности внутренних потребностей. Для интеграции идентичности чрезвычайно важно, чтобы бессознательное могло сообщать о себе, не нарушая актуального взаимодействия Я с реальностью: отделять фантазии и мечты от реальных событий и действий; дифференцировать объекты внешнего мира и собственные представления о них; допускать в сознание чувства и проявлять их, разделяя реальные и нереальные аспекты чувствования и не позволяя эмоциям безраздельно определять личностную активность и т.д. Гипофункция внутренней границы проявляется в нарушении взаимодействия Я с неосознаваемыми процессами: «жесткое» подавление бессознательного либо недостаточность интрапсихического барьера.

Очевидно, что согласование конструктивных Я-функций агрессии и внешнего и внутреннего Я-отграничения в пространстве и времени можно назвать оптимальными условиями роста личности и ее диалога с меняющимся миром. Равным образом это положение относится и к персоногенезу, и к социогенезу. Конструктивная агрессия в описанном выше понимании является не просто желательным условием или фоном выхода Я за те или иные его границы. Полагаем, она олицетворяет сам акт такого выхода: энергетически заряженный и направленный от настоящего Я к будущему не-Я. В процессе этого акта настоящее Я отрицается и становится прошлым, а будущее не-Я превращается в Я. Границы – место контакта Я и не-Я – заключают в себе как бы перетекающие друг в друга:

- *предел* – собственно граница Я, качественно отрицающая не-Я;
- *переход* – снимает различия между Я и не-Я;
- *связь* – знаменует общность Я и не-Я.

Согласно сформулированным С. Л. Рубинштейном законам отрицания [7, с. 360-361], в процессе «само-развития» на каждой его стадии заключена причина его небытия как перехода в другое. В то же время отрицание в контексте небытия заключается в том, что вещь в другой системе отношений *не* есть то, что она есть в данной системе отношений. Конструктивная агрессия выступает необходимым актом выхода за внешнее или внутреннее Я-отграничение при сопоставлении субъектом одного явления с другим и обнаружения и констатации недостатка чего-то, неполноты реализации сущности в явлении, несоответствия начального и конечного этапов процесса. Результатом движимого агрессией выхода за границы становятся приобретение и встраивание чего-то нового из внешней реальности в идентичность. Одновременно происходит объективное отрицание неких прежних структурных компонентов идентичности: в процессе осознания «сильного» качества затормаживаются = отрицаются все слабые. Само отрицание, как разрушение старого, основано на способности человека быть наблюдателем самого себя и наблюдаемым (сам себе прокурор, сам себе адвокат) и отвергать данное, наличное.

Сопоставление описанных конструктивных Я-функций дает возможность установить некий континуум конструктивной агрессии: от ассертивности до нонконформизма.

Ассертивность (англ. *assert* – утверждать, отстаивать) – уверенное поведение, самоутверждение – включает, согласно R. E. Alberti и M. L. Emmons [12]:

- прямое сообщение о своих потребностях, желаниях, мнениях без наказания, угрозы или унижения другого лица;
- свободу от неадекватных или несоразмерных ситуации тревоги или страха; отстаивание своих прав без ущемления прав других людей;

- выражение чувств, предпочтений, потребностей, мнений в манере, не содержащей ни угрозы, ни наказания по отношению к другому лицу.

Нонконформизм (лат. *non* – не, нет и *conformis* – подобный, сообразный) возникает как эффект несовместимости разных социальных порядков, несоответствия ценностных ориентаций и показывает: в повседневных взаимодействиях рождаются и согласие, и несогласие, наряду с нормативными интерпретациями – стремление к пересмотру привычной символической сферы и моделей поведения [8, с. 43-44]. Стремление человека вступать в противоречие с другими, отрицать господствующие в обществе устои и правила, отстаивать, вопреки мнению и позиции большинства, прямо противоположные точку зрения, установки, поведение создает впечатление открытости Я, его субъективных проектов и желаний объективной реальности. Но в любом случае нонконформизм является попыткой человека изменить собственную значимость, в том числе в своих глазах, и по-новому переживать образ социальной реальности.

Разумеется, выход за границы Я может быть актом как конструктивной, так и деструктивной агрессии, о чем свидетельствует неуклонный рост социальной патологии и деформаций личности. Однако, необходимо учитывать, что ауто- или гетероагрессия деструктивного плана выступают составляющими симптоматики расстройств личности, что переводит вопрос об их генетических связях в онтологическую плоскость перичности целого и части.

Анализируя выход Я за его границы, невозможно упустить из внимания такой социально-психологический феномен как поведение риска, связанного с высокой вероятностью появления нежелательных последствий и потерь и тревожным состоянием между полярными уверенностью и неопределенностью. Рискованное поведение – действия наудачу, требующие смелости и надежды на счастливый исход, а также расчета степени риска; стиль поведения, способный с высокой степенью вероятности привести к потере здоровья, физического или социального благополучия личности, ее разрушению, смерти. С другой стороны, поведение риска может выступать средством, субъективно повышающим уровень адаптивности субъекта к собственной среде одновременно с сохранением индивидуализации.

Наличие у человека выраженных феноменов сенсорной жажды, жажды острых ощущений с желанием риска, обусловленным опытом преодоления опасности, голода по сенсорной стимуляции, по признанию, по контакту и физическому поглаживанию, по инцидентам и т.д. не позволяет ему обнаружить в реальности способные надолго привлечь его внимание, обрадовать или вызвать иную выраженную эмоциональную реакцию сферы деятельности. Однообразие обыденной жизни, необходимость соблюдать принятые традиции и нормы, предсказуемость, заданность собственной судьбы раздражают. Ситуации риска с их выраженными аффектами оказываются почвой, где человек обретает уверенность в себе, самоуважение и чувство превосходства над другими.

Обзор теорий, разрабатывающих эту проблему, показывает их разнонаправленность [2]. Одни ученые полагают, что рискованное поведение является следствием неадекватности оценки риска, недооценки серьезности последствий и ущерба от рискованного поведения. Другие считают, что у каждого человека существует свой, наиболее предпочтительный для него уровень риска, к которому он стремится. Третья точка зрения: рискованное поведение – это состояние условного удовольствия, ситуация искусственного смысла как самоцели или обретения ощущения всемогущества. Риск как условие осознания и ощущения своей необходимости и полезности как личности необходим только психологическому экстремалу. Наконец, склонность к риску связывают и со стремлением человека к ненасильственному самоубийству.

Наше время поднимает до уровня нормы то, что ранее предполагалось как ненормальность, – определенное состояние диссонанса с унаследованными и внутренне присущими людям качествами. В мире разрушения рамок и ликвидации образцов высшей адаптивной ценностью современника становится скорость избавления от старых привычек, а не приобретения новых – а в целом привычка обходиться без всяких привычек, пишет З. Бауман [1]. Стремление человека активно постигать новизну и сложность меняющегося мира, приобретать новые оригинальные стратегии поведения становится условием его выживания и детерминирует необходимость рискованного выхода за границы Я как акта конструктивной агрессии.

Можно предположить, что высокий уровень конструктивной агрессии выступает одновременно и исходным потенциалом, толкающим человека на поиски ситуаций риска для конструирования и реконструкции границ своего Я, и актом выхода за них. Рискуют и те, кто сегодня пытается жить «по правилам», «по сценарию» и лишь время от времени выглядывать в пугающий и непонятный мир из-за частого возведенных границ: во-первых, потому, что не осталось гарантированных сценариев успешной жизни, во-вторых – за самоизоляцию, социальное аутсайдерство мы платим своим психическим и психологическим здоровьем. Таким образом, проблема разрушения границ своего внешнего и внутреннего Я-отграничения как акта конструктивной агрессии нуждается не только в дальнейшем теоретическом обосновании, но и в операциональной и инструментальной разработке.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Бунас А. А. Различные аспекты обоснования природы рискованного поведения личности // Психология: проблемы практического применения: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Чита, июнь 2013 г.). Чита: Молодой ученый, 2013. С. 10-16.
3. Лебединский В. В., Бардышевская М. К. Аффективное развитие ребенка в норме и патологии // Психология аномального развития ребенка: хрестоматия: в 2-х т. / под ред. В. В. Лебединского, М. К. Бардышевской. М.: ЧеРо; Высш. шк.; Изд-во МГУ, 2002. Т. 1. С. 588-681.

4. Мамардашвили М. К. Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000. 400 с.
5. Нартова-Бочавер С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
6. Осипова Н. Н. Конструктивная агрессия как фактор социальной адаптации в современном обществе // Современное состояние и перспективы развития психологии общения: материалы Междунар. научно-практ. конф. Гродно, 2010. С. 229-236.
7. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
8. Рудановская С. В. Субъекты социальной критики: между реальностью и желанием: монография. М.: Изд-во РУДН, 2005. 186 с.
9. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. СПб.: АЛЕТЕИЯ, 1999. 252 с.
10. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 447 с.
11. Я-структурный тест Аммона // Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование / под ред. М. М. Кабанова, Н. Г. Незнанова. СПб.: Институт им. В. М. Бехтерева, 2003. С. 419-434.
12. Alberti R. E., Emmons M. L. Your Perfect Right: A Guide to Assertive Living. San Luis Obispo, CA: Impact Publishers, 1995. 246 p.
13. Ammon G. Handbuch der Dynamischen Psychiatrie. München: Er. Reinhardt Verlag, 1982. Bd. 2. 967 S.

CROSSING THE BORDER OF "I" AS AN ACT OF CONSTRUCTIVE AGGRESSION

Shapoval Irina Anatol'evna, Doctor in Pedagogy, Professor
Orenburg State Pedagogical University
irinashapoval@yandex.ru

The article considers a problem of the relation of crossing the borders of one's "I" and aggression required for this. The paper analyzes the phenomenon of constructive aggression within the framework of assertive behavior, non-conformism, risk behavior and the necessity of its implementation in the changing world. The author concludes that constructive aggression acts as both a source potential of the construction and reconstruction of the borders of one's "I" by a human and an act of crossing them.

Key words and phrases: constructive aggression; borders of "I"; assertiveness; non-conformism; risk behavior.

УДК 101.1:330:331

Философские науки

Ситуация прорывного развития цифровых технологий, пришедшая одновременно с тотальным охватом населения нашей планеты высшим образованием, подвергает переосмыслению многие сферы человеческого бытия и, в особенности, сферу образования, на повестке дня которой вновь стоит множество старых вопросов, обретших новое звучание. В данной статье мы акцентируем внимание на вопросе о человеческом капитале, приобретаем важное значение для многих развивающихся стран и, в частности, для России. Ускоряющийся научно-технический прогресс требует все новых и новых навыков, предоставляет новые профессии, заставляя человека включиться в гонку за образование, в борьбу человеческого капитала.

Ключевые слова и фразы: инфокоммуникационные технологии; образование; научно-технический прогресс; человеческий капитал; ресурсы; Россия; утечка генофонда.

Шестакова Ирина Григорьевна, к. филос. н., доцент
Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»
Irina_Shestakova@inbox.ru

ИКТ И ОБРАЗОВАНИЕ: К ПРОБЛЕМАМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Вопрос «Что нам делать сегодня?» вовсе не является чисто русским. Любой честный интеллект всегда думает и говорит именно об этом, хотя наше время не способствует постановке вопросов о смысле и цели бытия [2, с. 8].

На всех уровнях жизни современного человека, от глобальной политики до бытовой рутины, за последние несколько десятилетий произошли радикальные изменения. В этой проблемной ситуации существенными являются не только прорывное развитие и появление нового инфокоммуникационного поля, но и невиданная ранее скорость изменений, выраженных в непрерывной экспансии инфокоммуникационных технологий.

Новое звучание старых вопросов

Ситуация этого прорывного развития подвергает переосмыслению многие сферы человеческого бытия, в том числе и сферу образования, на повестке дня которой вновь стоит множество старых вопросов, обретших новое звучание:

- *Зачем учиться*, если под рукой всегда есть вся информация?
- *Кого учить*, или Каков портрет современного студента?
- *Чему учить* в условиях, когда рынок труда качественным образом трансформируется, вытесняя в небытие огромные профессиональные ниши?